© 2021. А. Д. Ивинский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

О стихотворении М. Н. Муравьева «Живописец» (по материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ)

Аннотация: Статья посвящена реконструкции творческой истории стихотворения М. Н. Муравьева «Живописец». Первоначально данный текст был опубликован в «Академических известиях» в 1779 г. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) нами был обнаружен самый ранний автограф этого произведения, который мы датировали 1775 г. Эта редакция сильно отличается от финальной как по объему (она практически в два раза меньше), так и стилистически. В Рукописном отделе Института русской литературы (Санкт-Петербург) мы нашли вторую редакцию «Живописца», согласно нашим доказательствам, написанную в 1778 г. Она находится среди писем Муравьева к Д. И. Хвостову. Столь пристальное внимание поэта к данному стихотворению может быть объяснено тем, что Муравьев высказал в произведении целый ряд важных соображений о природе творчества и о принципах взаимодействия с властью. С нашей точки зрения, «Живописец» — один из ключевых текстов Муравьева, в которых он расписался в верности культурной политике Екатерины II.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, Екатерина II, «Живописец», Д. И. Хвостов, творческая история, рукописные редакции, история текста, реконструкция.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: ivinskij@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 16.02.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.03.2021

Дата публикации статьи: 28.06.2021

Для цитирования: Ивинский А. Д. О стихотворении М. Н. Муравьева «Живописец» (по материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 2. С. 168–185. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-168-185>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 168–185. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 2, 2021, pp. 168–185. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Alexander D. Ivinskiy
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

On Mikhail Muravyov's Poem *The Painter* (Based on Materials of Russian State Library and Institute of Russian Literature)

Abstract: The article is devoted to the textual reconstruction of the poem *The Painter* by M. N. Muravyov. It was published in "Academic News" in 1779. In the Manuscripts Department of the Russian State Library (Moscow), we have found the earliest manuscript of this work, which we date 1775. This variant differs greatly from the final one – both in terms of volume and style. In the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (St. Petersburg), we found the second version of *The Painter*, written, as we claim, in 1778. It was stored with Muravyov's letters to Dmitry Khvostov. Such close attention of the author to this poem could be explained by the fact that he expressed in it some crucial ideas about the nature of creativity and about the principles of interaction with the authorities. From our point of view, *The Painter* is one of Muravyov's key texts, in which he acclaimed his loyalty to the cultural policy of Catherine II.

Keywords: Mikhail Muravyov, Catherine the Great, *The Painter*, Dmitry Khvostov, creative history, handwritten editions, text history, reconstruction.

Information about the author: Aleksandr D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: ivinskij@gmail.com

Received: February 16, 2021

Approved after reviewing: March 30, 2021

Published: June 28, 2021

For citation: Ivinskiy, A. D. "On Mikhail Muravyov's Poem *The Painter* (Based on Materials of Russian State Library and Institute of Russian Literature)."

Dva veka russkoi klassiki, vol. 3, no. 2, 2021, pp. 168–185. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-2-168-185>

М. Н. Муравьев опубликовал только шесть небольших поэтических книг, все они были напечатаны в течение двух лет — с 1773 по 1775 гг. [Муравьев 1773; Муравьев 1774а; Муравьев 1774b; Муравьев 1774с; Муравьев 1775]¹. Как отметила Л. И. Кулакова, «последний прижизненный сборник стихотворений Муравьева вышел из печати, когда автору было 18 лет» [Муравьев 1967: 319]. При этом в рукописях остались десятки текстов, которые постепенно вводятся в научный оборот [Алехина 1990; Росси 1997; Лазарчук, Левин 1999; Росси 2013; Лазарчук 2006; Ивинский 2018; Ивинский 2019; Ивинский 2021]. Можно было бы предположить, что Муравьев просто не хотел тратить время на подготовку своих изданий и печатался в журналах, однако и это не так: как указал В. Н. Топоров, с 1777 по 1797 гг. поэт опубликовал всего 25 произведений, и только пять из них после 1779 г. [Топоров 2003: 73]. Таким образом, именно 1770-е гг. оказываются временем наиболее активного участия Муравьева в литературной жизни. Тем важнее обратиться к изучению именно тех текстов, которые поэт напечатал и которые приближают нас к пониманию его литературной позиции.

В данной статье предпринят опыт реконструкции истории текста стихотворения Муравьева «Живописец» (1778). Это произведение во многом уникально; как указал В. Н. Топоров, лишь «однажды стихотворный текст у Муравьева специфицируется как сказка — «Живописец. Сказка» (1778)» [Топоров 2003: 88]. Рукописи поэта рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга, не стали исключением и редакции данного произведения². Но прежде чем перейти к их характеристике, приведем уже известный текст (далее — <1>):

¹ О них подробнее см.: [Топоров 2003: 11–73].

² Л. Росси указала, что в РНБ хранятся «отдельные стихотворения, уже опубликованные и снова переписанные», в частности, и «Живописец» [Росси 2013: 201].

<1>

Живописец

Сказка

1778.

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
Такой, в котором сам учитель открывал
Всечасно новое, таившее дарованье:
Во граде, коего запомнил я названье,
Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем прекрасном упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь мать свирепую любовью изъяснял,
Вкруг резвятся любви.
Там бога Фракии грядуща представлял —
Лиются токи крови.
Цари любят зреть кисть в его руках,
Дивятся мудрецы, и знатоки толкуют,
Завистники в углу и шепча критикуют,
Богач на Гектора взираючи в очках
Едва жалеет о мешках.
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача;
Но все ль бы я сказал довод сей умолча?),
Нет девушки на этом несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Владычества того владетель,
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И может быть таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились;
Не мнил унизиться влеченью повинуюсь
Предупрежденные души своей к нему,
И кисти нежные твореньями любуюсь
Творца их пригласил к общенью своему,
В свои чертоги ввел: дал место в приближенных,

Где тысячи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его;
Уединения не руша самого.
Сначала мнил свою он душу омраченну.
Ее к самой себе возврату ожидал.
Оставив часто речь в середине пресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал;
Но дар упрямился, когда он принуждал.
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
И се уж разум гас, и цвет лица поблек,
И медленно его ко гробу влек
Недвижимости сон и чувство упадка.
В своих рисунках взор питает каждый день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды вшед к нему во храмину сей Князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременясь,
Вкушающа слезу, что вдоль ланиты тает:
Завидующего руки своей чертам.
Когда же, разлиясь, отрады упоенье
Прешло в успокоенье
И душу забавлять оставило мечтам,
Он царя¹ зрит: его колена он объемлет
И ежели твой слух несчастных стону внемлет,
Неблагодарного ты жалобы прости,
Над коим погубил ты столько даров счастья,
Не могши ничего чрез них произвести,
Как только бедного лишить его пристрастья.
Оно вся жизнь моя.

¹ В журнальной версии именно так: «Он царя зрит»; Л. И. Кулакова, видимо, случайно изменила «царя» на «князя» [Муравьев 1967: 175].

Ты дал мне злато, честь, пожаловал досугом,
Из низкой хижины извел и назвал другом.
Но в хижине писал сию картину я.
 Воззри, какая разность!
Сокровища пришли и дар меня убер!
Послуша ты чресчур я роскошей и нег
И к сердцу допустил отмщающую праздность.
 Ах! я за то плачу!
Другим веселья, честь и общества угодны:
Мне труд, и легка кисть, и зрелища природны.
Зачем я жребия другого захочу?
Коль смею, государь, твою вспомнить нежность;
Возьми сокровища сей блеск, сию мятежность,
Возьми прочь роскоши, от коих признаюсь,
 С жаленьем расстаюсь.
Отдай мне бедность ты, отдай мою прилежность.
Все пышности сии, не буди прогневлен,
Сравняются ль чертой с малейшею корыстью,
Я кои похищал из недр природы кистью?
И их вкусил ли я? был только удивлен.
Ах! есть ли кто-нибудь, кто б не был ослеплен?
Скончался разговор обоих умилением,
Простерты руки их друг друга обняли,
 И слезы их текли.
И не поставил царь сих чувствий преступленьем.
Повествование скажет нам потом,
Что в хижине нашел художник дарованье,
Что часто царь к нему украдывался в дом
И живописец ввек не сожалел о том,
Что дара своего исполнил он призванье

[Муравьев 1779: 373–378]¹.

Попробуем рассмотреть творческую историю данного текста, ориентируясь на доступные нам рукописные редакции.

¹ Л. И. Кулакова напечатала «Живописца» именно по этому изданию [Муравьев 1968: 173–175].

Не учтенный до сих пор автограф «Живописца» (далее — <2>) находится в «Записной книге» Муравьева¹. Это ранняя редакция произведения, о чем свидетельствует, во-первых, тот факт, что Муравьев, набрасывая этот текст, не определился еще с его жанром: здесь он обозначен как басня. <2> не датирован, однако мы можем высказать гипотезу о времени его написания: этот текст — часть «журнала» «Услаждение скуки», который помечен 1775 г.² В целом выглядит логичным, что поэт, в 1773 г. издавший книгу басен, вновь вернулся к этой форме и продолжил работать в привычной манере. Если это так, то можно предположить, что изменение жанрового подзаголовка должно было стать маркером изменения культурного контекста и литературного окружения. Благодаря переписке Муравьева мы знаем, что новая жизнь для поэта началась в 1776 г. — после переезда в столицу, поступления на военную службу и знакомства с ведущими поэтами эпохи, в первую очередь, с М. М. Херасковым, В. И. Майковым, В. П. Петровым и др. С их помощью, Муравьев, возможно, обогатил свое представление и о литературной сказке, которая, как хорошо известно, была исключительно распространенной формой во второй половине XVIII в.

Во-вторых, еще одним свидетельством в пользу раннего происхождения <2> служит ее объем. Так, «басня» обрывалась на 55 строке стихотворения, в окончательной же версии их 96. Напрашивается вывод о том, что это первая или, по крайней мере, одна из первых редакций «Живописца».

В-третьих, обратим внимание на характер правки от <2> к <1>: Муравьев последовательно модернизировал язык своего произведения, избавляясь от устаревших или просто неудачных конструкций. Все варианты мы выделили в представленном ниже тексте курсивом, сейчас же остановимся на одном примере.

Вот вариант из <2>:

¹ Муравьев М. Н. Записная книга — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе 1771–1803 // ОР РГБ. Ф. 178. № 11161.1. Л. 51. Об этом источнике подробнее см.: [Алехина 1991]; некоторые тексты из этого источника были опубликованы нами: [Ивинский 2018; Ивинский 2019; Ивинский 2021].

² «Записная книга» — сложно устроенная рукопись: Муравьев часто возвращался к ранним стихотворениям, правил их, дополнял, на полях записывал новые сочинения. Однако в данном случае никаких правок не было.

Оставля никогда он речь непресеченну
 Уединялся, кисть без пользы утруждал
 Но дух сей прежних черт, сих черт уж не рождal
 Покинула его сия волшебна сила,
 Котора на платно все чувства преносила.

А вот итоговая редакция <1>:

Оставив часто речь в середине пресеченну,
 Уединялся, кисть без пользы утруждал:
 Но дар упрямылся, когда он принуждал.
 Покинула его сия волшебна сила,
 Котора на платно все чувства преносила.

Мы видим, что Муравьев значительно отредактировал этот кусок текста: так, например, в первой строке он в целом перестроил фразу и убрал двойное отрицание «никогда... не». В третьей строке Муравьев избавился от действительно кажущегося излишним повтора «дух сей прежних черт, сих черт...».

Таким образом, эти соображения позволяют нам высказать осторожное предположение, что редакция «Живописца» в «Записной книге» была первой и могла быть написана в 1775 г. (мы выделили курсивом отличия <2> от <1>).

<2>

Басня Живописец

Питомец Рюбенсов, гласит повествованье,
 Такой, в котором сам учитель открывал
Великой мастер сам с восторгом дарованье,
 Во граде, коего запомнил я названье,
 Свое жилище основал
 И кистию своей пленял и сам пленялся,
 В художестве своем *прелестном* упражнялся.
 Одною он чертой красавиц оживлял.
 Здесь *душ царицу* изъявлял,
 Вкруг резвятся любви.

*Там Марса представлял,
Лиются токи крови.
Князья любуются зреть кисть в его руках,
Богач на Гектора взираючи в очках
Не мыслит о мешках;
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача,
Но я б не всё сказал, довод сей умолча:
Не сыщешь девушки, на этом несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.*

*Того
Княжения владетель
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И, может быть, таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились,
Не мнил унизиться, влеченью повинуюсь
Предупрежденные души своей к нему
И кисти нежные твореньями любуюсь
Творца их приобщил
Чертоги разделил: дал место в приближенных,
Где тысячи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его,
Уединения не руша самого.
Сначала мнил свою он душу омраченну.
И возвращения ея он долго ждал
Оставля никогда он речь непресеченну
Уединялся, кисть без пользы утруждал
Но дух сей прежних черт, сих черт уж не рождал
Покинула его сия волшебна сила,
Котора на платно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
Стал гаснуть луч ума и цвет лица поблек
И медленно его ко гробу влек*

Недвижимости сон и чувство упадка
Своим рисунком взор питает каждый день,
 И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
 Становится виной воспоминанья сладка.
 Однажды вшед к нему во храмину сей князь
 Пред собственной его картиною сретает,
 Не зряща, сладостной тоской обременясь,
 Вкушающая слезу, что вдоль ланиты тает
 Завидующего руки своей чертам¹.

Еще одну редакцию «Живописца» находим в фонде Д. И. Хвостова в РО ИРЛИ (далее — <3>). Нам представляется, что она могла быть написана позже <2>, вероятнее всего, в 1778 г. Несмотря на то что в ней отсутствуют название и жанровый подзаголовок, объем рукописи практически совпадает с финальным вариантом: 101 строка вместо 96. Возможно, редактируя <3>, Муравьев и создал окончательную версию. Показательно, что последние 9 строк стихотворения были набросаны уже после переписывания текста набело для отправки Хвостову: они написаны другими чернилами и менее четким почерком, что явно указывает на спешку автора, которого, возможно, в последний момент посетило вдохновение.

Рукопись без даты, находится она среди бумаг Хвостова, расположена рядом с недатированным же письмом Муравьева, содержание которого, однако, позволяет понять, когда оно писалось, ср.: «Мне давно хотелось исполнить мое обещание прислать вам четвертую часть трудов нашего собрания; наконец я его исполняю. Если мне позволено говорить за то, что тут помещено моего, то я прошу вашего внимания только для IV и VI пьесы»². Очевидно, речь идет об «Опыте трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете», в четвертой части которых в 1778 г. Муравьев напечатал «Жалобы музам», «Эпистолу к Н. Р. Р***», «Рощу», «Горациеву девятую оду книги первой к Талиарху», «Его же первую на десять оду книги первой к Левконое» и «Письмо Горациево к Виннию Азелле». Таким образом, у нас есть косвенное свидетельство в пользу того, что <3> могла быть написана также в 1778 г. или по крайней мере непринципиально раньше.

¹ Муравьев М. Н. Записная книга. Л. 51

² Хвостов Д. И. Рукописный сборник // РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 40.

В любом случае <3> отражает следующий этап работы над произведением: мы видим, что текст <2> подвергся существенной стилистической правке, при этом она явно носила промежуточный характер, так как в финальную версию были также внесены корректировки (мы выделили курсивом отличия <3> от <1> и жирным шрифтом — от <2>); кроме того, как мы уже указывали выше, <3> был расширен практически вдвое по сравнению с <2>.

<3>

Питомец Рюбенсов, гласит повествование,
В котором каждой день учитель открывал
До сель и от него **таившесь** дарованье,
Во граде, коего запомнил я названье,
Свое жилище основал
И кистию своей пленял и сам пленялся,
В художестве своем **прекрасном** упражнялся.
Одною он чертой красавиц оживлял.
Здесь душ царицу изъяслял,
Вкрут резвятся любви.
Там Марса представлял,
Лиются токи крови.
Князья любят зреть кисть в его руках,
Дивятся щеголи **и знатоки толкуют**,
Завистники в углу и шепча критикуют,
Богач, на Гектора взираючи в очках,
Не мыслит о мешках.
Нет девушки, собой хотя немножко страстной
(Не ставлю этот пол я подле богача,
Но всё ль бы я сказал, довод сей умолча?),
Девицы нет, на это несогласной,
Чтоб кистью мастера подоле быть прекрасной.
В таком-то счастье дни катилися его.
Того
Княжения владетель,
Наполнен чувствий сам, художеств благодетель
И, может быть, таков, как первый Медицис,
По гласу коего науки родились,

Не мнил унизиться, влеченью повинуюсь
Предупрежденные души своей к нему
И кисти нежные твореньями любуюсь,
Творца **их пригласил к общенью своему.**
Чертоги разделил: дал место в приближенных,
Где тысячи уходищ потаенных
Служили, кажется, всем прихотям его,
Уединения не руша самого.
С начала мнил свою он душу омраченну.
И возвращения ея он долго ждал
Оставив часто речь свою непресеченну,
Уединялся, кисть без пользы утруждал;
Но **ум привычных** черт, сих черт уж не рождал
Покинула его сия волшебна сила,
Котора наплатно все чувства преносила.
Исчез художник в нем: остался человек,
Всех прелестей лишен; тем боле в униженье,
Что дарованья он терпел изнеможенье.
И се уж разум час и цвет лица поблек,

И медленно его ко гробу влек

Отчаяния сон и чувство упадка.
В своих рисунках взор питает каждой день,
И с ним задумчивость. Там почерк, свет иль тень
Становится виной воспоминанья сладка.
Однажды вшед к нему во храмину сей князь
Пред собственной его картиною сретает,
Не зряща, сладостной тоской обременяясь,
Вкушающая слезу, что вдоль ланиты тает
Завидующаго руки своей чертам.
Когда же разлилась отрады упоенье

Прешло в успокоенье

И душу забавлять оставило мечтам,
Он князя зрит; его колена он объемлет,
И ежели твой слух не втуне бедных внемлет,
Неблагодарного роптания прости,
Над коим погубил ты столько даров щастья,
Не могли ничего во мне произвести,

Как только бедного лишить его пристрастья.

Оно вся жизнь моя.

Ты дал мне злато, честь, пожаловал досугом,

Из низкой хижины извел и назвал другом.

Но в хижине писал сию картину я.

Воззри, какая разность!

Сокровища пришли и дар меня убег!

Послушался чрез чур я роскошей и нег

И к сердцу допустил отмщающую праздность.

Ах! я за то плачу!

Другим *утехи, лень, сообщества* угодны;

Мне труд, и легка кисть, и зрелища природны.

Зачем я жребия другого захочу?

Я смею нарицать твою мне в помощь нежность,

Возьми сокровища, оставя неизбежность;

Возьми прочь роскоши, от коих, признаюсь,

С жаленьем расстаюсь.

Отдай мне бедность ты, отдай мою прилежность.

Все пышности сии, не буди прогневлен,

Сравняются ль чертой с малейшею корыстью,

Я кои похищал из недр природы кистью?

И их вкусил ли я? был только удивлен.

Ах! есть ли ктонибудь, кто б не был ослеплен?

Пусти меня. Авось в уединенье,

Я прелести сыщу опять во упражненье.

И нравов простота и долг и нужда жить,

За мною будут бдеть и могут вкус вложить.

Скончался разговор обоих умилением,

Смешенны руки их друг друга обняли,

И слезы их текли.

И не поставил царь сих чувствий преступленьем.

Повествование сказует нам потом,

Что в хижине нашел художник дарованье,

Что часто *Князь* к нему украдывался в дом

И живописец ввек не сожалел о том,

Что дара своего исполнил он призванье¹.

¹ РО ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 59. Л. 38–39 об.

Теперь остановимся на проблематике данного произведения, которое занимало Муравьева сравнительно долгое время и оказалось одним из немногих опубликованных им текстов.

Л. И. Кулакова высказала гипотезу, согласно которой «Живописец» был знаком отхода Муравьева от одической поэтики и при этом отражал его новую идеологическую позицию: «Не принял Муравьев и официальных требований воспеть “мать отечества” и благоденствие ее подданных. И ранее не любивший оды, он после 1775 года перестает писать их совсем, с возмущением говорит о “подлой лести” В. Рубана, который написал оду очередному фавориту Екатерины II, о том, что Рубан достоин презрения. “Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства”, — замечает он в дневнике. Муравьев не приходит к “омерзению стихотворства”, но через некоторое время он пишет сказку “Живописец” (1778), посвященную мысли о необходимости полной творческой свободы в искусстве. Приближаясь даже к благожелательно настроенным “великим и сильным”, художник теряет дарование» [Муравьев 1967: 25]. Л. И. Кулакова в данном случае явно апеллировала к построениям Г. А. Гуковского и пыталась включить Муравьева в число «фрондеров», бросивших вызов двору и Екатерине II. Дело не только в том, что биография и творчество Муравьева не дают для таких предположений никаких оснований, но и в том, что сам текст произведения, очевидно, им противоречит. Муравьев, прекрасно чувствующий идеологическую конъюнктуру, создал стихотворение, которое легко вписывалось в контекст культурной политики Екатерины II (напомним в связи с этим, что всего через несколько лет Муравьев напечатает несколько текстов в ее «Собеседнике любителей русского слова», затем станет учителем великих князей Александра и Константина Павловичей и потратит много времени на усвоение и реинтерпретацию исторических и лингвистических трудов императрицы [Ивинский 2016; Ивинский 2021]).

Муравьев посвятил «Живописца» взаимоотношениям художника и власти; при этом сама модель меценатства несколько не ставилась под сомнение, напротив, люди вроде Козимо Медичи назывались «благодетелями», их роль трудно переоценить, ведь «по гласу» их «науки родились». Горацианская¹ по своей природе проповедь ограниченной

¹ Напомним, что Гораций — один из любимейших поэтов Муравьева, которого он много переводил. См. подробнее: [Ивинский 2021].

и спокойной жизни на лоне природы, в «хижине», не должна вводить в заблуждение: разумеется, это не «сатира», как казалось Л. И. Кулаковой, а, напротив, утверждение позиции, толерантной к придворной этике. Художник выполняет важнейшую функцию — сохранения памяти о славе царей, но его место за холстом, а не во властных коридорах. Концовка этого текста очень продуманна и политически выверена, возможно, поэтому он не сразу пришел к этой формуле, но, найдя ее, решил напечатать весь текст и остался им доволен: живописец «исполнил» свое «призвание», а царь иногда навещался к нему, чтобы насладиться произведением искусства. Гармония восстановилась: у каждого в сложно устроенном придворном мире своя роль, и не нужно даже пытаться выходить за пределы своего социального амплуа:

Повествование сказует нам потом,
Что в хижине нашел художник дарованье,
Что часто царь к нему украдывался в дом
И живописец ввек не сожалел о том,
Что дара своего исполнил он призванье.

Итак, «Живописец» — одно из ключевых произведений Муравьева 1770-х гг., в котором он высказал целый ряд важных для него идей и расписался в верности придворной политике Екатерины II. Благодаря материалам ОР РГБ и РО ИРЛИ мы попытались реконструировать, хотя бы в первом приближении, ход работы поэта над этим текстом: приступил он к нему, скорее всего, в 1775 г., вторую редакцию написал в 1778 г., а в 1779 г. напечатал итоговый вариант в «Академических известиях».

Список литературы

Источники

Муравьев М. Н. Басни. Книга 1. СПб.: [Тип. Сухопут. кадет. корпуса], 1773. 33 с.

Муравьев М. Н. Военная песнь. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1774. 26 с.

Муравьев М. Н. Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою. СПб.: [б.и.], 1774. 10 с.

Муравьев М. Н. Оды Лейб-гвардии Измайловскаго полку сержанта. Михайла Муравьева. СПб.: Тип. Акад. наук, 1775. 30 с.

Муравьев М. Н. Переводные стихотворения». СПб.: Императ. акад. наук, 1773. 32 с.

Муравьев М. Н. Петрония Арбитра Гражданская брань: Поема / С латинского языка перевел лейб-гвардии Измайловскаго полку каптенармус, Михайло Муравьев. [СПб.] : [Тип. Акад. наук], [1774]. 15 с.

Муравьев М. Н. Живописец. Сказка // Академические известия. СПб., 1779. Ч. 4. С. 373–378.

Муравьев М. Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. 389 с.

Исследования

Алехина Л. И. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М. Книжная палата, 1990. Вып. 49. С. 4–87.

Ивинский А. Д. Екатерина II, М. Н. Муравьев и Карамзин: К вопросу о контекстах «Истории государства российского» // Литературоведческий журнал. 2016. № 40. С. 146–167.

Ивинский А. Д. О драматургии М. Н. Муравьева (по материалам ОР РГБ и ОПИ ГИМ) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77, № 3. С. 62–71.

Ивинский А. Д. М. Н. Муравьев и Буало (По материалам отдела рукописей РГБ) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78, № 2. С. 33–40.

Ивинский А. Д. М. Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 2. С. 30–37.

Ивинский А. Д. М. Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 358–385. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-358-385>

Лазарчук Р. М., Левин Ю. М. «Гамлетов монолог» в переводе М. Н. Муравьева // XVIII век. 1999. Сб. 21. С. 303–317.

Лазарчук Р. М. Неизвестные тексты М. Н. Муравьева (переводы басен Лафонтена) // XVIII век. 2006. Сб. 24. С. 312–316.

Росси Л. В поисках неизвестного произведения Михаила Муравьева // Рукописи. Редкие издания. Архивы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. С. 127–143

Росси Л. Стихотворная басня М. Н. Муравьева «Изгнание Аполлона» и ее прозаический источник // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М. В. Ломоно-

сов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 198–208.

Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М. Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. М.: Языки русской культуры, 2003. Кн. 2.

References

Alekhina, L. I. "Arkhnivnye materialy M. N. Murav'eva v fondakh Otdela rukopisei" ["Archival Materials of M. N. Muravyov in the Manuscript Department Collections"]. *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina* [V. I. Lenin USSR State Library Manuscript Department Proceedings], no. 49. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 4–87. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "Ekaterina II, M. N. Murav'ev i Karamzin: K voprosu o kontekstakh 'Istorii gosudarstva rossiiskogo.'" ["Catherine II, Muravyov and Karamzin: On the Contexts of 'History of Russian State.'"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 40, 2016, pp. 146–167. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "O dramaturgii M. N. Murav'eva (po materialam OR RGB i OPI GIM)" ["On the Dramatic Heritage of M. N. Muravyov (Based on Materials of RSL and OPI GIM)"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 77, no. 3, 2018, pp. 62–71. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "M. N. Murav'ev i Bualo (Po materialam otdela rukopisei RGB)" ["Mikhail Muravyov and Boileau (Based on Materials of Russian State Library)"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 78, no. 2, 2019, pp. 33–40. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "M. N. Murav'ev, Ekaterina II i Fridrikh II: K Voprosu o Statuse Literaturnogo Iazyka" ["Mikhail Muravyov, Catherine II and Friedrich II: On the Literary Language Status"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 80, no. 2, 2021, pp. 30–37. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "M. N. Murav'ev i antichnye poety: neopublikovannye perevody" ["M. N. Muravyov and Ancient Poets: Unpublished Translations"]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 358–385. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-358-385> (In Russ.)

Lazarchuk, R. M., Levin, Iu. M. "“Gamletov monolog’ v perevode M. N. Murav'eva” ["Hamlet's Soliloquy' Translated by Mikhail Muravyov"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 21, 1999, pp. 303–317. (In Russ.)

Lazarchuk, R. M. "Neizvestnye teksty M. N. Murav'eva (perevody basen Lafontena)" ["Unknown Texts of Mikhail Muravyov (Translations of La Fontaine's Fables)"]. *XVIII vek [18th Century]*, vol. 24, 2006, pp. 312–316. (In Russ.)

Rossi, L. "V poiskakh neizvestnogo proizvedeniia Mikhaila Murav'eva" ["Searching for an Unknown Work of Mikhail Muravyov"]. *Rukopisi. Redkie izdaniia. Arkhivy [Manuscripts. Rare Editions. Archives]*. Moscow, 1997, pp. 127–143. (In Russ.)

Rossi, L. "Stikhotvornaia Basnia M. N. Murav'eva 'Izgnanie Apollona' i Ee Prozaicheskii Istochnik" ["The Poetic Fable of M.N. Muravyov 'The Expulsion of Apollo' and Its Prosaic

Source”]. *Chteniia otдела russkoi literatury XVIII veka. M. V. Lomonosov i slovesnost' ego vremeni. Perevod i podrazhanie v russkoi literature XVIII veka* [Proceedings of the Department of Russian Literature of the 18th century. M. V. Lomonosov and the Literature of His Time. Translation and Imitation in Russian Literature of the 18th century]. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2013, pp. 198–208. (In Russ.)

Toporov, V. N. *Iz istorii russkoi literatury. T. 2. Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M. N. Murav'ev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie* [From the History of Russian Literature. Vol. 2. Russian Literature of the Second Half of the 18th Century. M. N. Muravyov: Introduction to the Heritage], vol. 2. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2003. (In Russ.)